

Г. Н. КУРИЛОВ (Ленинград)

О МОРФОЛОГИЧЕСКИХ ФОРМАХ ВЫРАЖЕНИЯ «ВНУТРЕННИХ» АТРИБУТИВНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ЮКАГИРСКОМ ЯЗЫКЕ

Анализ именных определительных словосочетаний юкагирского языка показывает, что последние образуются двояким способом: либо примыканием, либо при помощи аффиксов *-n* и *-d*, присоединяемых к основе определяющего слова. При этом только первым способом конструируются синтаксические группы с первым членом, выраженным собственным именем существительным, например: *tatuor ańmil sāl̄ya wierüleń* 'ездовой (олень) Татора накололся на дерево'; *tāl̄uṅā enmur me taw morij* 'придется отпилить рог Чалюнга'; *apanalā jal̄yiliń qanājeli* 'мы перекечевали к озеру Старухи' (*apanalā* — эвфемизм, уважительное имя жены юкагирского богача, *apanalā* 'старуха'); *muoqatke ibal bure sayanejli* 'на сопке Мохатка мы жили'.

Данным способом образуются также словосочетания с определением, выраженным нарицательным именем существительным, если последнее соотносится с конкретным, единичным предметом: *figirtij peldudie sāban de ketimeṅ* 'я привез сети хромого старика'; *tatuor ile jawul̄yan kolden* 'по следу оленя, принадлежащего Татору, я приехал'; *mit nime sespe kiejie ile fitnej igijelek iguoń* 'олень был привязан на длинном ремне перед дверью нашего дома'; *mālayun lajagi el sewrelek, sespe sāyaraya kuderek* 'обе задние ноги (от туши оленя) не вноси в дом, а положи у двери, с левой ее стороны' и т. д.

В приведенных примерах соотносительность нарицательных существительных *peldudie, ile, nime* с конкретным, одним стариком, оленем, домом соответственно достигнута при помощи конкретизаторов *figirtij* 'хромой', *tatuor* — собственное имя, *mit* 'наш'. В последнем предложении определенность двери (*sespe*) устанавливается лишь по контексту.

Вторым способом словосочетания продуцируются в том случае, если атрибут — нарицательное имя — не имеет препозитивно употребленных по отношению к нему детерминантов или если не предполагается конкретность, единичность предмета. Например: *tiden lajapela sespen-sāyaraya kudereṅa* 'те (т. е. упоминавшиеся ранее) задние ноги (от туши оленя) они положили слева (от входа)'; *ńanmen-pigil̄yat ile amdur surerienuni* 'от тальничных листьев олени быстро жиреют'; *edilwej jawul̄ monqa laṅuden urelek ńetled-ekūya sewleń* 'след Идилвея лежал в сторону кургана и там около лисьей норы исчез' и т. д.

Рассмотренные примеры говорят о том, что если атрибут-существительное не коррелирует с единичным предметом, то оно, как правило, оформляется аффиксами *-n* и *-d* в юкагирском языке.

Какова же функция названных аффиксов? По мнению большинства исследователей юкагирского языка, интересующие нас форманты являются показателями родительного падежа.¹ При этом, по Б. Коллиндеру, показателем генитива служит только аффикс *-n*, а согласный *d* представляет собой заполнение хиатуса. С последним не согласен Й. Ангере, так как, по его мнению, *-d* также выполняет функцию родительного падежа.² Е. А. Крейнович считает, что в юкагирском языке, кроме *-d*, понимаемого им как показатель генитива, имеется еще *d*, выступающий как разделительный согласный.³

Совершенно иное толкование функций *-n* и *-d* мы находим у В. Йохельсона, который утверждает, что звуки *n* и *d* вставляются только ради благозвучия.⁴

Данное выше сжатое изложение различных трактовок функций *-n* и *-d* свидетельствует о дискуссионности и несомненной сложности рассматриваемого вопроса. Для его решения, по нашему убеждению⁵, исключительно значение имеют факты, приведенные в начале статьи, а именно: 1) неоформляемость атрибута — собственного имени — аффиксом *-n*, 2) неоформляемость атрибута — нарицательного имени — аффиксом *-n*, если оно соотносено с конкретным, единичным предметом, 3) обязательность оформления атрибута — нарицательного существительного — аффиксом *-n*, если оно не имеет при себе детерминантов, придающих его семантике назывной характер.

Из сказанного следует, что любое нарицательное существительное в юкагирском языке в одних случаях проявляется как имя единичного предмета, в других — как знак вложенного в него общего смыслового содержания. Иначе говоря, когда юкагир предлагает: *tiēŋ ile kefik* 'приведи сюда того оленя', существительное *ile* выступает как название именно данного одного оленя. Коррелированность с единичным предметом здесь достигается посредством указательного местоимения *tiēŋ* 'тот' (видимый объект). В совершенно иной функции употребляется то же существительное *ile* 'олень', например, в *ile jeregūya lewdeŋi* 'олени пасутся на равнине (букв.: олень на равнине едят)'. В данном сообщении *ile* воспринимается уже не как название единичного объекта, а как обозначение множества, выделяемого наличным в нем качеством «олений». Таким образом, в последнем предложении нарицательное имя *ile* проявляется как знак вложенного в него обобщенного значения.

В отличие от нарицательных существительных собственные имена могут служить лишь как наименования единичных предметов. Иными словами, если собственное имя обладает лишь назывной, номинативной

¹ A. Schiefner, Über die Sprache der Jukagiren. — Mélanges Asiatiques, tome III, 5 livre, St.-Petersbourg 1859, стр. 610; B. Collinder, Jukagirisch und Uralisch, Uppsala 1940, стр. 41; J. Angere, Die uralo-jukagirische Frage, Stockholm 1956, стр. 61; O. G. TAILLEUR, Le dialecte tchouvane du youkaghir. — UAJb. 34 1962, стр. 41; Е. А. Крейнович, Юкагирский язык, Москва 1958, стр. 63.

² J. Angere, указ. раб., стр. 62.

³ Е. А. Крейнович, указ. раб., стр. 65.

⁴ W. Jochelson, Essay on the Grammar of the Youkaghir Language. — Annals of the New York Academy of Sciences XVI 2 1905, стр. 104.

⁵ Мы согласны с утверждением Б. Коллиндера о том, что звук *n*, потеряв свою назальность, превратился в *d* (В. Collinder, указ. раб., стр. 41). Предположение шведского ученого подкрепляется целым рядом фактов, кстати, неизвестных ему, одним из которых является чередование *n̄ ~ d'*, например: *sukiñ aŋa el ūselek* 'не болтай (букв.: в открытое пространство рот не носи)', *sukid' aŋa el ūselek* 'не болтай'.

функцией, то нарицательное имя — как номинативной, так и сигнификативной.⁶

В свете выявленных моментов различий в семантике вышеназванных групп существительного обнажаются корни двойного способа образования словосочетаний с определением, выраженным нарицательным именем, ибо неформленность атрибута — нарицательного существительного — служит бесспорным свидетельством того, что последнее здесь употреблено, как и атрибут — собственное имя, в назывной функции. Отсюда со всей очевидностью следует, что аффикс *-n* в юкагирском языке есть форма выражения атрибута — имени в его сигнификативной функции.

Следовательно, если атрибут — имя существительное — в юкагирском языке выступает в номинативной функции, то его отношение к определяемому не получает морфологического выражения; если же атрибут — имя нарицательное — употреблено в функции сигнификативной, то тесная синтаксическая связь данного атрибута с определяемым им существительным проявляется в формах *-n*, *-d*. Выдвинутое положение подкрепим одним ярким фактом: *fireme jaqte el awas* 'пение Чирэмэ не дало спать'; *firemen-jaqte el awas* 'птичье пение не дало спать'.

В приведенных примерах ни контекстом, ни другими вспомогательными средствами не передается мысль о том, идет ли речь о пении человека по имени Чирэмэ, или же имеется в виду пение птички (*fireme* 'птичка'). Но, любопытно, что опрошенные юкагиры категорически утверждали, что выделенное словосочетание во второй фразе нужно понимать только как птичье пение, так как если бы рассказчик сообщал о пении человека по имени Чирэмэ, то он не сказал бы *firemen* (т. е. не употребил бы атрибут — собственное имя — *fireme* в форме с *-n*). Это и понятно: отягощение атрибута упомянутым аффиксом уже говорит о том, что существительное *fireme* употреблено здесь в его обобщенном значении, в сигнификативной функции, а, как уже отмечалось, собственное имя не обладает такой функцией.

Дальнейшее уточнение предложенного нами решения вопроса о сущности *-n* требует выдвижения на первый план еще одной, отодвинутой по некоторым соображениям на теньевую позицию, стороны рассматриваемой общей проблемы. Это — вопрос о «внешнем» и «внутреннем» атрибутивном отношении.

Уже А. А. Потебня заметил, что в русских словосочетаниях согласующееся определение есть «название признака, представляемого данным в субстанции, обозначенной другим словом».⁷ Он же, имея в виду несогласующиеся определения, писал, что они означают «предметы, мыслимые не в другом предмете, а вне его, хотя независимо от своего

⁶ Ср. О. С. Ахманова, К вопросу о слове в языке и речи. — Доклады и сообщения филологического факультета, вып. V. Московский государственный университет, 1948, стр. 23; В. М. Павлов, Семантика имен собственных и их роль в словосложении в современном немецком языке. — Ученые записки Ленинградского государственного педагогического института им. А. С. Герцена, т. 217, 1960, стр. 128.

Наше понимание указанных функций слова приблизительно совпадает с положением Г. Пауля: «...под конкретным я подразумеваю всегда нечто такое, что представляется реально существующим и данным в определенных пространственных и временных границах, под абстрактным — некое общее понятие, взятое само по себе содержание представлений, свободное от пространственных и временных ограничений» (Г. Пауль, Принципы истории языка, Москва 1960, стр. 94).

⁷ А. А. Потебня, Из записок по русской грамматике, ч. 1—2, Харьков 1888, стр. 99.

словесного выражения могут быть мыслимы не как субстанции, а как атрибуты». ⁸ Придерживаясь в целом концепции А. А. Потевни, В. Г. Адмони указывает на возможность выражения «внутреннего» атрибутивного отношения в немецком языке «... в форме, характеризующей «внешние» отношения ... и наоборот». ⁹ Это положение, без всякого сомнения, нужно принять, так как переход от одного качественного состояния к другому носит постепенный характер и, следовательно, в «переходном периоде» должны встречаться многочисленные случаи передачи нового качества в форме, в которой проявлялось это же качество, но в более архаичном его состоянии.

В своих работах В. М. Павлов развивает концепцию А. А. Потевни и В. Г. Адмони. По его мнению, приименной свободный родительный падеж в немецком языке выражает «внешнее» атрибутивное отношение и «внутренним» оно становится в том случае, когда при атрибуте-существительном — даже если оно и обладает формой родительного падежа — отсутствует артикль, концентрировавший в себе выражение грамматических категорий упомянутого существительного. При этом В. М. Павлов впервые выдвинул идею о значительной семантической цельности образований с определением, выражающим «внутреннее» отношение, нежели конструкции, между членами которых устанавливается «внешняя» атрибутивная связь в немецком языке. ¹⁰

Разграничение общего атрибутивного отношения в группе существительного на «внутреннее» и «внешнее» отношения имеет исключительную важность для полного раскрытия сущности аффиксов *-n*, *-d* юкагирского языка. Так, в частности, последние служат формальными средствами выражения «внутренних» связей, тогда как неформальность атрибута есть морфологически не выраженная форма передачи «внешних» отношений. Надо сказать, что материалы юкагирского языка явственно свидетельствуют о более тесном семантическом объединении конструкций с атрибутивным членом, выражающим «внутренний» признак определяемого.

Итак, аффиксы *-n*, *-d* в юкагирском языке служат специальными формами выражения «внутренних» атрибутивных отношений.

G. N. KURILOV (Leningrad)

ON THE MORPHOLOGICAL MEANS OF EXPRESSING "INTERNAL" ATTRIBUTIVE RELATIONS IN THE YUKAGHIR LANGUAGE

This article deals with noun groups of the Yukaghir language which include an attribute also expressed by a noun. The author of the article points out that the attribute has no special morphological affixes in those cases where it expresses a concrete object. If it is not correlated with a particular object and has a more general semantics, the affixes *-n*, *-d* are added to the stem of the noun-attribute.

⁸ Там же, стр. 101.

⁹ В. Г. Адмони, Введение в синтаксис современного немецкого языка, Москва 1955, стр. 255.

¹⁰ В. М. Павлов, Развитие определительного сложного существительного в немецком языке. — Ученые записки Ленинградского государственного педагогического института им. А. И. Герцена, т. 190, ч. 2, 1958, стр. 15.